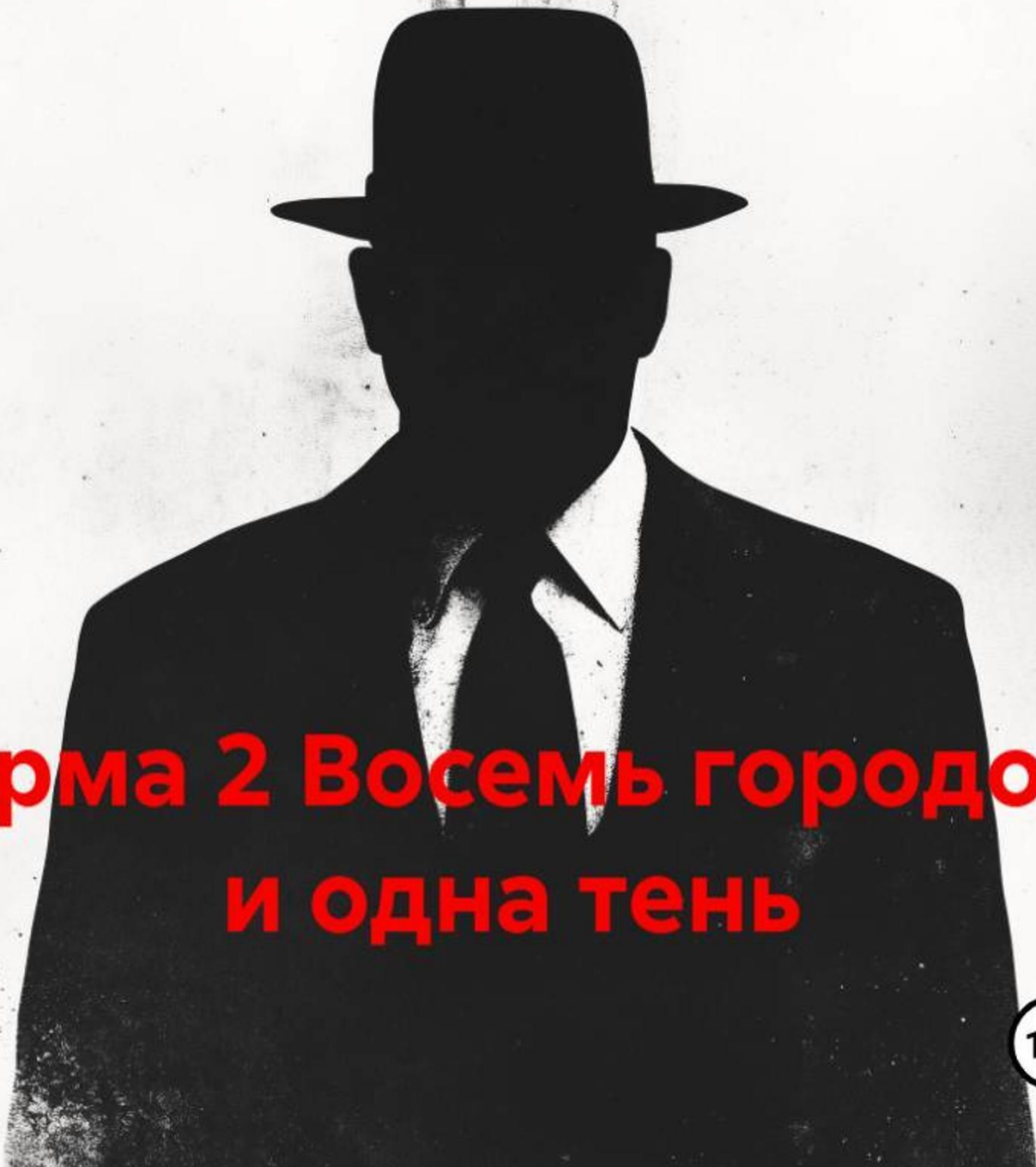


Александр Восьмой



Арма 2 Восемь городов
и одна тень

18+

Александр Восьмой

Арма 2 Восемь городов и одна тень

«Автор»

2026

Восьмой А.

Арма 2 Восемь городов и одна тень / А. Восьмой — «Автор»,
2026

Арлан возвращается из Соляного Каньона с Огненным Заветом — но Мазаракш уже не тот. Столица Ашхал пирует, пока окраины горят. Ханский совет торгует миром с Окраиной, и среди министров есть человек без лица — тот, кто открыл перевал врагу. Между тем Окраина осадила Кудаш — крепость-город, стоящую на семи холмах. Кудаш держится, потому что была построена по чертежам того же мастера, что и семь городов из каньонной сказки. Но Окраина привела свою машину: «Длительный гул» — осадный миномёт размером с дом, который забрасывает мины весом в быка через стены и крыши. Арлан собирает расчёты со всех выживших гарнизонов: три миномёта, семь стволов, одиннадцать рук, которые умеют считать секунды до падения. Их задача — не оборонять Кудаш. Их задача — найти восьмой город, которого нет на карте, потому что именно он — ключ к «Длительному гулу». Тот, кто построил осадный миномёт Окраины, построил и этот город. И в городе спрена ответ: как заглушить гул. Но восьмой город не стоит на месте.

Александр Восьмой

Арма 2 Восемь городов и одна тень

Глава 1. Соляной ветер

Соль хрустела под подошвой, как кости мелких птиц.

Арлан вышел из Каньона на рассвете — когда солнце ещё не решило, быть ли ему сегодня, и небо висело над землёй белой мертворождённой плёнкой. Соляной ветер дул в спину, толкал между лопаток, шептал: иди, иди, тебе нужно увидеть это самому, ты не пове-ришь, если тебе расскажут.

Он не поверил.

Тропа вилась по краю возвышенности, и сперва всё было как прежде — жёлтая трава, редкие вёглы, силки на сурков, расставленные ещё в начале зимы. Потом трава кончилась. Просто кончилась — как обрезанная ножом. Дальше была чернота. Не земля. Не поле. Чернота, которая когда-то была пастбищами.

Арлан остановился.

Ветер нёс запах, который он узнал раньше, чем глаза разобрали картину. Горелое мясо. Горелая шерсть. Горелый хлеб. Горелое дерево. Горелая жизнь. Запах был густой, обволаки-вающий, он не бил в нос — он оседал на коже, как пепел, и пепел тоже был: мелкий, серый, вездесущий, он лежал на плечах, на ресницах, на туго обмотанной у груди ткани, где за тремя слоями сукна и одним слоем восшаного холста лежал Огненный Завет.

Арлан не тронул свёрток. Только прижал ладонь — проверить, греет ли. Завет грел. Он всегда грел, но теперь Арлану казалось, что греет сильнее, будто чувствует то же, что и он.

Он пошёл вперёд.

Пепелище раскинулось на всё то, что Арлан про себя называл домом. Не деревня — ско-рее поселение: два десятка глинобитных домов, загон для скота, колодец с туречным камнем, который его дед обтёсывал всю осень сорок восьмого года. От домов остались остовы — стены стояли, как обугленные рёбра, а крыш не было. Крыши провалились внутрь, и из каждой ямы поднимался тонкий дымок — последний выдох пожара, который выжрал всё и теперь умирал сам.

Арлан шёл по выжженной земле и считал следы.

Сапоги. Окраинские сапоги — тяжёлые, подкованные, с характерным следом: два гвоздя на пятке, один на носке, такой узор ставили только в Кумбарских мастерских. Арлан их знал. Каждый миномётчик в Мазаракше знал край, где куют подкованные сапоги для пехоты Окра-ины, — край, который теперь поставлял пехоту к их границам.

Следы шли стройно. Не рысью — шагом. Не беглецы, не мародёры. Строй. Войско, кото-рое сделало дело и ушло без спешки, зная, что спешить некуда.

У колодца Арлан встал.

Колодец был цел. Туречный камень — цел. Верёвка — цел. Ведро — цел. Внутри, в тем-ноте шахты, тихо плескалась вода, единственное живое в этом мёртвом месте. Арлан опустил ведро, достал воду, напился. Вода была тёплая и отдавала гарью. Он напился и вылил остаток на ладонь — умыл лицо, и на ладони осталась серая плёнка.

Он сел на край колодца.

Сел — и просидел, пока солнце так и не решило быть, а небо из белого стало серым, а из серого — цвета мокрой золы. Сидел и думал о том, что думать было нельзя, потому что думать — значит чувствовать, а чувствовать сейчас нельзя, потому что впереди был восток, а на востоке была война, а война не прощает тех, кто чувствует.

Он думал о матери. Она ушла на восток три зимы назад, когда позвали в госпиталь Кудаша — шить бинты, перевязывать, держать руки тёплыми, пока солдаты теряют ноги. Мать

писала письма. Последнее пришло полторы луны назад: «Арлан, сынок, Кудаш стоит, но я слышу по ночам, как дрожит земля. Будто кто-то большой бьёт в пол кулаком, и пол — весь мир». Письмо пахло потом, мукой и тревогой. Арлан хранил его в одном кармане с Заветом, и теперь, на пепелище, где всё кончилось, два этих свёртка — письмо и Завет — грели его с двух сторон, как два уголька в мёртвой печи.

Мать была на востоке. Кудаш был на востоке. Война была на востоке.

Запад кончился.

Арлан встал, закинул на плечо ремень, поправил свёрток у груди и пошёл на восток. Не быстро, не медленно — так идут миномётчики: ровно, считая шаги, потому что шаги — это секунды, а секунды — это выстрелы, а выстрел — это жизнь.

Соляной ветер дул в спину.

За спиной остался Каньон — тридцать локтей соли, пепла и старых рудников, где хранятся не драгоценности, а сказки. Впереди лежала земля, которую он не узнал бы, даже если бы прожил на ней всю жизнь. Дым стоял там, где раньше были пастбища. Чёрные остовы торчали там, где раньше были дома. И вдалеке — на самом краю зрения, там, где небо встречалось с землёй — Арлан увидел то, чего не хотел видеть.

Тень.

Не облако. Не птица. Тень — длинная, чёрная, движущаяся, будто кто-то провёл по горизонту углем. Она ползла по земле, медленная и тупая, как болезнь, и от неё шёл гул — низкий, утробный, неслышный ушам, но ощутимый зубами и позвоночником.

«Длительный гул».

Арлан знал, что это. Знал по слухам, по рассказам, по тому, как матери в Кудаше писали про дрожащий пол. Осадный миномёт Окраины. Машина размером с дом, которая забрасывает через стены мины размером с быка. Арлан никогда не видел «Длительный гул». Но он его слышал — не ушами, чем-то глубже, чем-то, что Каньон выточил в нём за тридцать локтей соли и пепла.

И он подумал: я несу Огненный Завет, а везут его к человеку без лица, который сидит в Ашхале, пьёт вино и торгует миром, который мне не продадут.

Он подумал: у меня нет миномёта. У меня нет расчёта. У меня нет даже дома.

Он подумал: но я слышу гул. А гул слышит меня.

И Арлан шёл на восток — через пепел, через тень, через дрожь, которая поднималась от земли и уходила в небо, — шёл, потому что на западе уже некого спасать, а на востоке ещё не все погибли.

Соляной ветер нёс соль и тишину.

Там, где не было ветра, был гул.

Глава 2. Пир в Ашхале

Ашхал не пах гарью. Он пах пряностями, жареным мясом и старым золотом.

Арлан шёл по улицам столицы, и каждый шаг отдавался в груди чужим ритмом. Здесь не было пепла — здесь был блеск: фонари из цветного стекла, ковры, брошенные прямо на мостовую, чтобы ноги знати не касались камня, музыканты, играющие так громко, будто пытались заглушить далёкий гул, который всё равно просачивался сквозь стены.

У ворот дворца его остановили стражники — не грубо, но твёрдо, как останавливают того, кто пришёл не вовремя.

— Сними оружие, — сказал старший, не глядя на Арлана, а глядя на свёрток у него на груди, будто знал, что там.

— Не сниму, — ответил Арлан. — Оно мне нужно, чтобы не забыть, зачем я пришёл.

Стражник хмыкнул, будто услышал шутку, и махнул рукой: пусть проходит.

В тронном зале было шумно и жарко. Ханский совет сидел полукругом, и перед каждым стоял кубок из кости — белой, отполированной до стеклянного блеска. Арлан знал, чья это кость: старые хроники шептали, что кубок вырезали из рёбер вождя, который однажды попытался сказать «нет» Ашхалу. Теперь из него пили за мир.

Двенадцать лиц. Двенадцать улыбок. И одно пустое место — тринадцатый стул.

Но он не был пуст.

На нём сидел человек без лица. Не слепой, не изуродованный — просто без лица: гладкая, ровная поверхность там, где должны быть глаза, нос, рот. Как будто кто-то стёр черты, оставив только тень от них. И эта тень смотрела.

Арлан почувствовал, как Огненный Завет у груди вспыхнул чуть сильнее — не огнём, но жаром, будто узнавал врага.

— Садись, — сказал хан, и голос его звучал так, будто он уже сто раз произносил эту фразу и знал, чем она закончится. — Подожди. Война почти кончилась.

— Война не кончилась, — тихо сказал Арлан, не садясь. — Она перешла внутрь.

Кто-то из министров фыркнул. Кто-то улыбнулся. Человек без лица не шевельнулся.

Хан наклонился вперёд, и на его пальцах сверкнули перстни — тяжёлые, с камнями, которые, казалось, поглощали свет, а не отражали его.

— Ты пришёл из Каньона, — сказал он. — Принёс нам сказку. А мы здесь живём в реальности. Реальность — это когда ты пьёшь вино и говоришь «мир», пока другие горят. Это и есть победа.

— Победа — это когда те, кто горит, ещё могут дышать, — ответил Арлан.

Он не стал рассказывать про пепелище. Не стал рассказывать про следы сапог. Не стал говорить про «Длительный гул», который дрожит под землёй и заставляет дрожать сердца. Вместо этого он положил на стол ладонь — чёрную от пороха, с трещинами на коже, с ногтями, в которых застряли крупинцы соли и пыли Соляного Каньона.

— Вот моя реальность, — сказал он. — И она пахнет не пряностями.

В зале стало тише. Музыканты будто споткнулись на ноте и замолчали. Даже воздух стал гуще, словно пытался удержать слова, которые ещё не были сказаны.

Человек без лица чуть наклонил голову — едва заметное движение, как у змеи, которая прислушивается к шагам.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он. Голос был ровный, без интонаций, будто его произносил не человек, а камень.

— Знаю, — сказал Арлан. — Ты тот, кто открыл перевал. Тот, кто продал им чертежи. Тот, из-за кого Кудаш теперь дрожит от каждого выстрела.

Никто не закричал. Никто не вскочил. Двенадцать министров сидели неподвижно, как куклы, у которых кончился завод.

— Мы торгуем миром, — снова сказал хан, но теперь в его голосе не было уверенности. — Мы сохраняем то, что осталось.

— Вы сохраняете трон, — поправил Арлан. — А Кудаш держится на семи холмах, потому что его строил тот же мастер, что строил города из каньонных сказок. Но сказки не спасают от мин весом в быка.

Он сделал шаг вперёд, к тринадцатому стулу.

— Я знаю, что ты построил не только перевал, — сказал он, глядя в гладкую, безликую поверхность. — Ты построил и восьмой город. Тот, которого нет на карте. Тот, который уходит под землю, чтобы «Длительный гул» не мог его достать. И я знаю, зачем он нужен: в нём спрятан ответ, как заглушить этот гул.

Человек без лица не улыбнулся. Не нахмурился. Просто сидел, и тишина вокруг него была плотнее, чем вокруг остальных.

— Ты думаешь, что нашёл меня, — наконец произнёс он. — Но это я нашёл тебя. Ты пришёл сюда, потому что я позволил тебе дойти.

Арлан сжал пальцы в кулак, чувствуя, как под кожей пульсирует жар Огненного Завета.

— Может, и так, — сказал он. — Но я уйду отсюда не с миром. Я уйду с ответом. И если для этого придётся спуститься под землю — я спущусь. Потому что война теперь там. И там она учится летать.

Он повернулся и пошёл к выходу. Никто не остановил его. Никто не позвал обратно. Только музыка снова зазвучала — слишком громко, слишком поспешно, будто пыталась заглушить то, что уже нельзя было заглушить.

За стенами дворца воздух был чище. Не сладкий, не пряный — горький, как дым, который долетал даже сюда, сквозь все ковры и фонари.

Арлан остановился на ступенях, поднял лицо к небу — серому, тяжёлому, будто готовому рухнуть на город — и вдохнул. В этом вдохе был не Ашхал. В нём был Кудаш. Были семь холмов. Был «Длительный гул». Был восьмой город, который уходил в темноту.

И был голос Сайры, который он слышал не ушами, а чем-то глубже — как тогда, в Каньоне, когда соль шептала сказки:

«Я слышу шаги под землёй. Город уходит. Но мы успеем».

Арлан кивнул — не ей, а себе, подтверждая, что слышал.

Он спустился по ступеням, не оглядываясь, и пошёл туда, где земля дрожала от чужих выстрелов. Туда, где его ждали одиннадцать рук, которые умели считать секунды до падения. Туда, где война училась летать — и где он должен был научить её падать.

Глава 3. Семь холмов Кудаша

Кудаш стоял на семи холмах, будто старик, который держится не силой, а упрямством — на семи костылях из камня, ветра и памяти. Каждый холм нёс свою башню, каждая башня — свой голос, и сейчас все голоса сливались в один низкий, тяжёлый гул: не от «Длительного гула», а от напряжения, от того, как стены сжимали в себе удары, не давая им пройти дальше, в сердце города.

Арлан поднялся на внешний вал на исходе дня, когда солнце уже не грело, а только светило — тусклым, усталым светом, будто само знало, что смотреть тут не на что, кроме трещин в камне и сажи на зубах. Рядом с ним стояла Сайра. Она не смотрела на степь — она слушала её. Её пальцы лежали на камне, как на струне, и по тому, как они вздрагивали, Арлан понимал: вот сейчас степь вздохнула, вот сейчас она напряглась, вот сейчас в ней что-то проснулось.

— Он ещё не стрелял, — тихо сказала Сайра, не отрывая пальцев от стены. — Но он готов. Я слышу, как железо дышит.

Арлан проследил за её взглядом. В степи, за полосой выжженной травы, стоял тент — огромный, тяжёлый, натянутый на каркасе, который казался слишком массивным для простой палатки. Под этим тентом пряталась тень, которую нельзя было разглядеть, но можно было почувствовать: она давила на воздух, делала его гуще, тяжелее, так что даже ветер обходил это место стороной.

«Длительный гул».

Машина Окраины. Осадный миномёт, который не нужно было видеть, чтобы его бояться. Его боялись по тому, как дрожала земля за миг до удара, по тому, как птицы срывались с крыш, по тому, как дети в городе переставали плакать и просто смотрели в потолок, будто ждали, когда он рухнет.

— Они ждут, — сказала Сайра. — Не ночи. Не рассвета. Чего-то ещё.

— Ждут приказа, — ответил Арлан. — Или ждут, пока мы сами сломаемся.

Он оглядел стены. На зубцах стояли люди — не много, но достаточно, чтобы держать линию. Их было меньше, чем должно быть. Меньше, чем нужно. Но они стояли. И это тоже было оружием — то, что они не ушли.

К ним подошёл командир гарнизона — седой, с лицом, изрезанным шрамами, будто кто-то пытался написать на нём историю всех осад, но не успел закончить.

— Мы держимся, — сказал он, глядя не на Арлана, а на степь, как будто боялся, что если посмотрит на человека, то не сможет больше смотреть на врага. — Стены крепкие. Ворота не взять тараном. Но если эта штука выстрелит...

— Если выстрелит, стены не помогут, — закончил Арлан. — Она бросает мины через крыши.

Командир кивнул. В этом кивке не было согласия — в нём была горькая правда, которую не хотелось произносить вслух.

— Ты пришёл с Огненным Заветом, — сказал командир. — Люди говорят, он может сжечь даже тень.

— Он может показать путь, — поправил Арлан. — Но не сжечь тень. Тень нужно перехитрить.

Сайра подняла голову. Её глаза были тёмными, почти чёрными, и в них отражался не закат, а что-то глубже — будто она видела не степь, а то, что под ней.

— Город уходит, — прошептала она. — Я слышу шаги под землёй. Старые рудники. Заброшенные тоннели. Восьмой город прячется там, где «Длительный гул» не достанет.

Арлан сжал кулаки. Он знал, что она права. Знал, что ключ к победе — не в том, чтобы удержать стены, а в том, чтобы найти то, что скрыто. Тот, кто построил миномёт, построил и восьмой город. И в этом городе — ответ, как заглушить гул.

— Нам не нужно оборонять Кудаш, — сказал Арлан, глядя на командира. — Нам нужно уйти под землю.

Командир нахмурился, будто слышал что-то невозможное.

— Под землю? Там темно. Там тесно. Там нельзя держать строй.

— Там нельзя стрелять сверху, — ответил Арлан. — А мы будем стрелять снизу. Шахтные миномёты. Выстрел из-под ног.

Сайра кивнула, будто уже слышала этот план раньше, будто он был написан в земле, и она просто прочитала его.

— Одиннадцать рук, — сказала она. — Одиннадцать человек, которые умеют считать секунды до падения. Они готовы.

Арлан посмотрел на степь. Тент шевельнулся, будто вздохнул. И в этот миг он понял: враг тоже чувствует, что баланс меняется. Что здесь, на семи холмах, решается не судьба крепости — судьба всей войны.

— Пусть думают, что мы ждём, — тихо сказал Арлан. — Пусть думают, что мы боимся. А мы пойдём туда, где они нас не увидят. Туда, где земля глушит их гул.

Он повернулся к гарнизону, к людям на стенах, к тем, кто стоял и смотрел на степь, будто пытаясь взглядом удержать невидимую линию.

— Готовьте люки, — приказал он. — Открывайте шахты. Мы уходим под землю. И когда «Длительный гул» наконец выстрелит — мы будем там, откуда он нас не достанет. И оттуда мы ударим.

Ветер снова шевельнул тент. И на этот раз из-под него донёсся звук — низкий, утробный, похожий на голос огромного зверя, который наконец проснулся.

Сайра закрыла глаза.

— Сейчас, — прошептала она. — Сейчас он выстрелит.

Земля вздрогнула. Не сильно — едва заметно, как вздрагивает спящий, когда ему снится падение. Но этого было достаточно. Арлан почувствовал, как под ногами что-то сдвинулось, как будто сама земля напомнила: она не только опора, но и путь.

— Вниз! — крикнул Арлан. — Все вниз!

Люди на стенах не побежали — они пошли, потому что бежать было некуда, можно было только спуститься. В люки, в шахты, в старые рудники, где пыль лежала слоями, как годы, и где каждый шаг отдавался эхом, будто земля запоминала их.

Когда первая мина ударила в стену, её удар был слышен не наверху, а внизу — как далёкий грохот, который не мог достать тех, кто уже ушёл в темноту.

Арлан стоял в шахте, чувствуя, как воздух становится плотнее, тяжелее, и улыбался. Не радостно — жёстко, как улыбается тот, кто наконец нашёл место, где можно драться.

— Теперь они не знают, где мы, — сказал он. — А мы знаем, где они.

Сайра открыла глаза. В темноте её взгляд был ярче, чем любой фонарь.

— Я слышу его, — сказала она. — «Длительный гул». Он думает, что победил. Но он только разбудил нас.

Арлан кивнул. Впереди была темнота, старые тоннели и восьмой город, который уходил всё глубже, прячась от света и от смерти. Но теперь у них был путь. И у них был план.

Война ушла под землю.

И там она училась летать.

Глава 4. Длительный гул

Он пришёл на рассвете — не туманом, не облаком. Звуком.

Сайра проснулась за три удара сердца до первого выстрела. Не от крика, не от дрожи — от тишины. Тишина стала другой: плотнее, тяжелее, как воздух перед грозой, только гроза была не с неба, а из земли. Она села на раскладушке в подвале, который стал лазаретом, и сказала в темноту:

— Он стреляет.

Ей не успели ответить.

Первый выстрел прошёл над стенами — высоко, лениво, будто кто-то бросил камень в пруд. Свиста не было. Был гул — нарастающий, тупой, давящий на уши изнутри, как будто звук не входил снаружи, а рождался в костях. Мина — чугунная тушка весом в быка, с короткими грубыми стабилизаторами — перелетела стену, пролетела над крышами и упала на рынок.

Рынок был пуст. Люди Кудаша давно перестали торговать на рынке — они знали, что открытое место собирает смерть. Но камень помнил. Камень торговых рядов, камень навесов, камень прилавков, которые простояли три поколения, — всё это превратилось в крошку, в пыль, в мелкую острую щёбёнку, которая брызнула во все стороны, как кровь из раны. Крошка долетела до ближайших домов, выбила окна, впилась в двери. Один осколок — плоский, с ладонь величиной — воткнулся в стену мечети, как нож в хлеб.

Второй выстрел.

Мина упала на мечеть. Не в стену — в купол. Купол был куполом уже триста лет, его строил мастер, чьё имя вырезано на каждом пороге в Кудаше. Купол держал дождь, ветер, время. Он не держал мину. Чугун пробил его, как кулак пробивает бумагу, и мечеть сложилась внутрь — не упала, не рассыпалась, именно сложилась, как складывается человек, которому выбили ноги. Стены ещё стояли, но внутри всё было кирпичной кашей, перемешанной с коврами, книжными полками и витражным стеклом, которое дед нынешнего казия привёз из южных земель и которое теперь лежало в обломках, перемешанное с пылью и кровью.

Третьего выстрела Сайра не стала ждать.

Она бежала по коридорам — вниз, в шахты, туда, где Арлан собирал расчёты. Три миномёта, семь стволов, одиннадцать рук. Одиннадцать человек, которые умели считать секунды

до падения. Они сидели в старом рудничном зале, вокруг фонаря, который бросал на стены дрожащие тени. Арлан сидел в центре, с Заветом у груди, и слушал.

Третий выстрел они слышали под землёй.

Не звук — вибрацию. Земля вздрогнула, как спящий, которому снится, что он падает, и на миг всё замерло: фонарь, тени, дыхание. Потом звук догнал — глухой, далёкий, будто кто-то ударил в барабан, обтянутый войлоком. Колодец. Мина упала в колодец.

Вода — единственное, что держало Кудаш живым — выплеснулась на поверхность фонтаном мутной, чёрной жижи, перемешанной с каменной крошкой и осколками чугуна. Колодец, который дед Арлана обтёсывал всю осень сорок восьмого года, перестал существовать. Стало ясно: Окраина не просто разрушает стены. Она режет жилы.

— Три выстрела, — сказал Арлан. Его голос был тихим, но в тишине подземелья он звучал, как команда. — Рынок. Мечеть. Колодец. Они бьют не по стенам. Они бьют по жизни.

Один из миномётчиков — Тогрул, коренастый, с руками, покрытыми пороховыми ожогами до локтей — поднял голову.

— Они хотят, чтобы мы вышли. Голодом. Жаждой. Страхом.

— Они хотят, чтобы мы перестали быть городом, — ответил Арлан. — Город — это не стены. Это колодец, рынок и место, где молятся. Они убивают город, не трогая стены.

Гул не рассеивался.

Он висел над Кудашом, как второе небо — невидимое, тяжёлое, давящее. Он не прекращался между выстрелами. Он жил в разрушенных стенах, в выбитых окнах, в пустых коридорах, в дыхании людей. Он входил в сны. Люди, которым удавалось заснуть, просыпались с кровью из ушей — не от взрывов, а от гула, который звучал внутри них, как второе сердцебиение, только медленнее и тяжелее.

Сайра подошла к стене шахты и прижала к ней обе ладони.

— Он снова заряжает, — сказала она. — Я слышу, как железо садится в ствол. Четыре удара. Потом — тишина. Потом — выстрел.

Все смотрели на неё. Одиннадцать пар глаз — кто с надеждой, кто с недоверием, кто с тем странным спокойствием, которое приходит, когда страх достигает предела и за ним уже ничего нет.

— Сколько секунд от заряжания до выстрела? — спросил Арлан.

— Сорок три, — ответила Сайра без паузы. — Я считала. Каждый раз — сорок три.

Арлан закрыл глаза.

Сорок три секунды. От заряжания до выстрела. От заряжания до падения — ещё двадцать. Шестьдесят три секунды. Ровно минута и три удара сердца. Достаточно, чтобы спуститься в шахту. Достаточно, чтобы поднять миномёт. Достаточно, чтобы выстрелить первыми.

— Семь стволов, — сказал Арлан, открывая глаза. — Одиннадцать рук. Мы не будем считать секунды до падения. Мы будем считать секунды до выстрела. Сайра скажет, когда железо сядет в ствол. Мы стреляем на тридцатой секунде. Пока их мина ещё в воздухе — наша уже летит.

— Мы не достанем их из-под земли, — сказал Тогрул. — Шахтный миномёт бьёт вверх, но не вдаль. Нам нужно выйти из-под стены.

— Нет, — ответил Арлан. — Мы не выйдем. Мы пробьём землю. Выстрел снизу — не вверх. Внизу, под степью, есть старые рудники. Они тянутся до лагеря Окраины. Если Сайра слышит шаги под землёй — значит, под землёй есть ходы. Значит, мы можем поставить миномёт так, чтобы мина шла не по дуге, а по тоннелю. Не через небо — под землёй.

Тишина.

Одиннадцать человек смотрели на него, и в их взглядах было то, чего не было раньше: не вера — вера приходит позже. Сначала — удивление. Удивление перед тем, кто увидел в земле не укрытие, а оружие.

Четвёртый выстрел ударил в верхний город. Снаряд пробил крышу зернохранилища и взорвался внутри, и Кудаш содрогнулся — не от взрыва, а от понимания: они быют по хлебу. По воде. По молитве. По жизни.

Арлан встал.

— Достаньте миномёты, — сказал он. — Разберите. Спустите по частям. Соберём внизу. Мы уходим в рудники — туда, где «Длительный гул» нас не услышит. А оттуда мы заглушим его.

Сайра отлепила ладони от стены.

— Он заряжает, — сказала она. — Тридцать семь секунд.

— Хватит, — ответил Арлан. — Хватит на то, чтобы спуститься и не умереть.

Они спускались в темноту — одиннадцать человек и три миномёта, разобранных на стволы, плиты, прицелы и станины. Каждый нёс то, что мог: ствол на плече, плиту на спине, прицел за пазухой. Темнота принимала их, как вода принимает камень — беззвучно и окончательно.

Сверху, над ними, Кудаш дрожал от пятого выстрела. И шестого. И седьмого. Гул стоял над городом, как крыша, под которой некуда бежать.

Но под этой крышей, в темноте старых рудников, одиннадцать рук собирали три миномёта заново. И Арлан, прижимая к груди Огненный Завет, шептал не молитву — расчёт. Сорок три секунды. Тридцать до выстрела. Тринадцать до падения.

Война уходила под землю.

И там училась летать.

Глава 5. Одиннадцать рук

Они приходили по одному.

Не строим, не отрядом, не с песнями — по одному, из темноты рудников, из заброшенных штолен, из щелей в земле, через которые человек протискивается боком, держа дыхание и ствол миномёта перед собой. Каждый нёс что-то: ствол, плиту, прицел, коробку с взрывателями. Каждый нёс себя — а это было тяжелее всего.

Первым пришёл Тогрул. Арлан его знал — ещё по северным гарнизонам, по перевалу, который они держали вдвоём с одним миномётом против трёхсот пехоты. Тогрул был коренаст, широк в плечах и узок в талии, как все миномётчики: тело, выточенное отдачей. Руки — от локтей до запястий — в пороховых ожогах, старых и новых, наложенных друг на друга, как годовые кольца. Он молча опустил на землю ствол, проверил канал ствола мизинцем — привычка, которая заменяла молитву, — и сел у стены.

Вторым пришёл Дамир. Хромой. Левая нога не гнулась в колене — осколок мины Окраины, который хирург вытащил, но колено осталось каменным. Дамир ходил, перекидывая ногу, как переваливают вес, и от этого его шаг звучал как метроном: тук — тихо — тук — тихо. Он принёс прицел. Не свой — чужой, снятый с разбитого миномёта на южной стене, где весь расчёт погиб. Прицел был цел. Дамир протёр его рукавом, поднёс к глазу, навёл на стену шахты и кивнул — себе, не Арлану.

Потом — Кеш. Безымянный палец левой руки отсутствовал. Не отрезан — оторван. Кеш не рассказывал, как. Он рассказывал, как наводил миномёт без пальца: «Прицел держишь тремя, а не четырьмя, но земля не знает разницы». Кеш принёс станины — две, связанные ремнём, тяжёлые, железные, с въевшейся ржавчиной и засохшей грязью пяти гарнизонов.

Потом — двое вместе. Братья? Нет. Просто двое, которых война сплавила в один расчёт. Улуг и Сабит. Улуг — наводчик, Сабит — заряжающий. Они не разговаривали друг с другом — не потому что враждовали, а потому что не нуждались в словах. Улуг поднимал палец — Сабит подавал мину. Улуг опускал палец — Сабит отшагивал. Это было красивее любого разговора. Улуг принёс плиту — тяжёлую, чугунную, с трещиной по краю, которую заварили кузнецы в

Кудаше кое-как, наспех, и сварка стояла шрамом, как грубый шов на живом теле. Сабит принёс мины — четыре, в холщовых мешках, каждую — как ребёнка, прижав к груди.

Потом — Нурлан. Старший. Ему было за сорок — для миномётчика это значит за семьдесят: отдача выжимает тело, как жернова выжимают зерно. Нурлан был сух, жилист и двигался так, будто экономил каждый жест — не от лени, а от расчёта: лишнее движение — это лишняя секунда, а секунда — это мина, которая может упасть на тебя. Он не принёс ничего, кроме себя. Но «себя» в его случае включало тридцать лет расчётов, наводок и выстрелов, которые он держал в голове, как таблицу умножения.

Потом — Еркин. Молодой. Слишком молодой — безусый, с тонкими запястьями, которые не должны были держать мину, но держали. Он пришёл из западного гарнизона — того самого, от которого остались только пепелище и следы окраинских сапог. Он не говорил, что выжил. Он просто был здесь, и это было его доказательством. Еркин принёс взрыватели — в деревянной коробке, выложенной тряпками, двенадцать штук, и каждый — как семечко, из которого вырастает гром.

Потом — Ислам. Руки тряслись. Не от страха — от контузии. Мина упала рядом, и с тех пор руки жили своей жизнью: дрожали, когда он не держал ничего, и замирали, когда он брал мину. Как будто мина была лекарством. Ислам принёс ствол — второй, из запасных, который нёс через три тоннеля, обмотав тряпками, чтобы не звенел. Ствол был тёплый от его тела.

Потом — Жан. Молчаливый. Не немой — молчаливый. Он говорил глазами, жестами, наклоном головы. Когда Арлан спросил, откуда он, Жан показал на запад, потом провёл пальцем по горлу. Арлан понял. Жан принёс третьего миномёта — по частям, в двух походах, туда и обратно, через штольню, которая осыпалась за спиной, как будто отрезая путь назад.

Последней пришла Сайра.

Не потому что опоздала — потому что её нужно было ждать последней. Она появилась из бокового хода, который Арлан не знал, и которого не было на схеме рудников. Она вышла из стены — так это выглядело: из тёмной щели, которая не была ни дверью, ни лазом, просто трещиной в породе, достаточной для того, чтобы человек протиснулся, если он не боится темноты и тесноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.